

Николай Куценко

СКАНДИНАВСКИЕ
ПЛЯСКИ

издательский дом
ФЛЮИД
FreeFly

Николай Куценко

Скандинавские пляски (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11983886
Скандинавские пляски: ИД «Флюид ФриФлай»; Москва; 2015
ISBN 978-5-905720-59-8

Аннотация

Читая рассказы Куценко, вспоминаешь Чехова, Пантелеймона Романова, Шукшина. С последним Николая Куценко роднит тематика рассказов и характеры действующих лиц: это почти те же типы странных людей, «чудиков» или «чудаков», но герои современного автора более укоренены в реальной жизни.

Пожалуй, в них можно узнать и самих себя в некоторых обстоятельствах, так как странными бываем и мы.

Полковник, освободившийся от камней в почках так же решительно, как он освободился последовательно от семи жен. Малика, девушка из горного аула, которую выменял старый жених на старый автомобиль. Скандинавские пляски, в течение которых благонамеренный герой, даже пытающийся согрешить, только напивается (совершенно по-русски). Метель, сдувающая с маменькина сыночка его фальшивую стойкость. «Яблонька» – лирический рассказ о старом садовом, ухаживающем за яблонькой как за больным ребенком или возлюбленной. «Ревность» – о той самой русской «дури несусветной», о которой поет в своих рок-балладах Александр Башлачёв. Проверка, показывающая несовпадение прописных истин и реальной жизни. «Полет» – о страхах, мнимых и реальных, сопровождающих и наш быт. Но все это не только происшествия, но и повод для того, чтобы оглянуться на самого себя и подумать: так ли живу? Не надо ли меняться, пока не поздно.

Содержание

Полковник	5
Малика	9
Скандинавские пляски	14
Конфуз	18
Метель	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Куценко

Скандинавские пляски

© Николай Куценко, 2015

© ООО «ИД «Флюид ФриФлай», 2015

Полковник

Его привезли поздно ночью, когда все спали. Наверно, никто не заметил, как он тихонько переоделся в больничный халат, сложил свои вещи в тумбочку и лег спать. Несмотря на то, что до подъема оставалось часа три, Семену этого было достаточно, чтобы выспаться. Жизнь на Севере, в самых суровых и лютых условиях, закалила его настолько, что обычному обывателю было бы сложно поверить, что человек может не только в них существовать, но и эффективно работать. Семен же свою работу любил и видел в ней даже некое предназначение, своего рода судьбу и миссию, в которую он свято верил и считал, что она выписывается кем-то сверху при рождении человека. А сам человек уже волен ею распорядиться по своему усмотрению. Был он боевым северным летчиком.

Лет тридцать назад с первой женой и маленьким ребенком он уехал служить за Полярный круг молодым лейтенантом, хотел заработать на квартиру – на Севере платили двойную ставку – и вернуться назад в Москву. Но судьба распорядилась иначе, и Семен, не будучи карьеристом, стал, на удивление себе, быстро продвигаться по службе – через год получил квартиру, а через два – звание капитана и новую беременную жену. Со временем Семен привык к Северу и окончательно забыл о Москве, а самое главное, его уже туда не тянуло, все как бы прошло, налет интеллигентности смылся суровыми условиями города, в котором он служил, а когда-то нежная кожа заросла твердой щетиной, через которую он сам с трудом узнавал себя. И лишь редкие письма родителей чемто напоминали ему о Москве.

Но тридцать лет службы прошли как один день, и Семен ушел на пенсию – здоровье не оставляло больше возможности работать на Севере, а новая молодая жена все намекала на то, что школы в Москве лучше и их ребенку надо будет рано или поздно поступать в институт. Но даже не причитания седьмой жены и неизвестно какого по счету ребенка, не проблемы со здоровьем заставили Семена уехать с Севера, а старые больные родители, которым нужна была помощь, а, кроме сына, им рассчитывать было не на кого. Так, уже будучи полковником, он оказался в Москве, вернее, в одной из ее больниц на Каширском шоссе, в палате, где лежали пациенты с камнями в почках. Семена привезли туда с приступом мочекаменной болезни.

В палате, помимо меня и Семена Петровича, как мы его называли, лежал молодой фотограф и старый бесхозный дед, которого сдала в больницу его жена по причине его буйности – дед все время хотел с кем-то драться, хотя и говорил-то с трудом, а, кроме жены, разобрать его слова, наверное, не мог никто. Фотограф же, напротив, говорил больше самых болтливых женщин, чем раздражал даже меня. Рассказывал он главным образом о тех знаменитостях, с которыми ему удалось поработать, об интерьере их домов и прочей всячине из глянцевого мира, которая в палате не интересовала никого, кроме его самого. Но если к болтовне фотографа я уже привык, то к ночным вылазкам лежачего деда – нет, посреди ночи он обычно вставал и начинал бегать по палате и издавать странные звуки, иногда хватал палку и бил ею по подоконнику. Подобное зрелище пугало даже бывалых докторов, не говоря уже о новых постояльцах палаты.

Утром я проснулся от странного звука, мне казалось, что кто-то царапает железо, издавая тем самым противные частоты, от которых спать уже было невозможно. Я открыл глаза и увидел перед собой привязанного к своей постели деда. Он был испуган и судорожно пытался выбраться из оков. Вдруг со мной кто-то заговорил:

- Семен. Можно Семен Петрович. Хотя можно и Семен, сам решай, – произнес кто-то.
- Простите, я не понимаю, кто вы? – в попытках осознать происходящее начал я.
- Я же тебе говорю: я – Семен Петрович. Ты что, тупой? Вроде не похож.
- А, извините, я просто не понял, меня Николаем зовут. А это вы деда привязали?

– Да, этот дед буйный какой-то, спать мешает. Пусть теперь так живет.

– А как же? Ну, как есть-то он будет и в туалет ходить?

– Не знаю, накормят, наверно. А ссать? Так он все равно не ссыт! Если что, скажет нам – отвяжем.

– Понял.

– А этот, – и он махнул головой в сторону постели фотографа, – он что, пидорас? Видок у него, как у махрового пидора!

– Я не знаю, вроде бы нет. Он просто многих пидорасов фотографирует, поэтому, видимо, у вас ощущение такое.

– Это хорошо. А то я таких вещей не люблю. Если бы был пидором, я бы его тоже привязал, – сказал он и посмотрел на меня, – в целях собственной безопасности, – зачем-то добавил он и улыбнулся, пытаясь таким образом пошутить.

– Да нет, он нормальный, вы не переживайте, – закончил беседу я.

Так состоялось наше первое знакомство с Семеном Петровичем. Нам предстояло пролежать вместе еще две-три недели, поэтому каждый из нас понимал, что, построив правильные отношения, нам будет проще коротать свой срок в больнице. Семен Петрович был очень неординарным человеком: в нем странным образом уживались все те принципы советской системы, о которых мы уже успели позабыть, с умением адаптироваться в современном мире. То есть он одновременно мог вести себя как старый советский парторг и в то же время быть представителем бизнеса сегодняшнего дня. Особенно интересным было его отношение к женщинам – он влюблялся в них страстно, завоевывал, женился, а потом бросал, не вспоминая о них вовсе. Никогда. Его женщины, напротив, тосковали по нему до конца дней своих, готовы были простить все его грехи, лишь бы он только вернулся. Была в нем какая-то природная мужская сила, которую чувствуют не только женщины, но и мужчины. Сила, которая способна перебороть любой страх и перед которой даже смерть теряет свой ужас. Мне казалось, что он ничего не боится, ну, может быть, кроме гомосексуалистов, к которым у него почему-то было особое неприятное чувство, но это был не страх, а скорее брезгливость. В то же время в его глазах я видел неприкрытую тоску и грусть – как будто все вокруг были ему не ровней и он не мог найти достойного соперника, чтобы наконец-то с ним сразиться на поле боя, конечно, условном.

Как-то вечером он пришел с пакетом в палату, связал деда и выгнал в коридор фотографа, который сам предпочел удалиться, как только увидел взгляд Семена Петровича:

– Коля, давай выпьем, а то тут со скуки тронуться можно, я водки купил! – сказал он и начал распаковывать пакет.

– Так тут же нельзя, больница же и урологическое отделение, – возразил я.

– И что?! – абсолютно искренне изумился он.

– Да нет, ничего. Да и рюмок тоже нет.

– Будем пить из консервных банок, как настоящие летчики, мы на Севере всегда так пили. – Он достал две банки кильки, высыпал рыбу в тарелку и протянул мне одну из банок, наполнив ее водкой до краев, даже не отмыв от масла.

– Как скажете, из банок так из банок, – ответил я, взяв емкость.

– Ну, будем, Николай! – И он залпом выпил банку с водкой.

– Ага, – последовал я за ним.

– Ты вот мне скажи, Николай, ты почему такой мнительный? Придумываешь болезни всякие, страхи. Ты реальных вещей бойся, а не ерунды всякой. Хотя и реальных-то бояться незачем.

– Мама у меня такая, я в нее пошел, – ответил я.

– А ты вот никого не бойся, никогда! Пусть тебя бояться все! Я тебе вот что скажу. Мне тоже было страшно вначале, а когда летать стал, то и страх прошел.

– Что же мне теперь, в летчики идти, чтобы, как вы, ничего не бояться?

– Да хрен его знает, найди что-нибудь свое, летать тоже не каждому дано, да и любить это дело надо. В общем, страх можно преодолеть.

В этот момент в палату зашел дежурный врач вместе с фотографом. Я резким движением спрятал под стул банку с остатками водки, понимая, что ничем хорошим это не закончится. Семен Петрович спокойно встал и направился в сторону дежурного врача, который по привычке открыл рот и готовился изрыгнуть из него какую-нибудь ругань. Фотограф же стоял рядом, не понимая, как лучше себя вести в этой ситуации. Первым начал Семен Петрович, протягивая руку красному от злобы врачу:

– Семен. Можно Семен Петрович. Хотя можно и просто Семен.

– Кто?! – прохрипел опешивший врач.

– Х** в пальто, ты что, дурак совсем? – спокойно ответил Семен Петрович. – А ну, смирно! Как зовут?

– Иван... Иваном Васильевичем то есть, – испуганно проскрипел врач.

– Ну, садись, Иван Васильевич, третьим будешь. А то мы фотографа брать боимся, вдруг он все-таки пидорас, осквернит мужскую компанию. А ты вот вроде бы мужик нормальный!

– Но я на работе, хотя...

Через час мы уже сидели в кабинете у врача и пили коньяк из запасов Ивана Васильевича. Разгоряченный спиртным, Семен Петрович рассказывал о своих подвигах в небе и на земле, о суровой жизни на Севере и о том, как несколько раз в жизни был на волосок от смерти. При этом ему периодически звонили какие-то женщины с предложениями привезти посылочку или просто повидаться. Из разговора было понятно, что это как раз та часть его бывших жен, которая жила в Москве.

– Семен Петрович, а вы и правда семь раз женаты были? – спросил зачем-то я.

– Точно так!

– И эти женщины еще за вами бегают?

– Не бегают, а отдают честь боевому офицеру, Николай. Это разные вещи.

– Ну да. А почему они все-таки вам «честь отдают»? Вы же им, извините, жизнь переломали.

– В этот момент Семен Петрович как-то поднапрягся и посмотрел на меня со злобой. Таким я его еще никогда не видел.

– Дурак ты, Коля. Никому я ничего не ломал, сами хотят, раз бегают. Но есть один секрет, вообще-то, но я вам его не скажу, – вдруг заулыбался Семен Петрович.

– Ну скажите уж, Семен Петрович, поделитесь с нами, чего уж там? – вмешался в разговор пьяненький Иван Васильевич. – Мы вас просим из любопытства.

– Ну ладно, уговорили, только вы, Иван Васильевич, нам с Николаем скажите, как от камней избавиться, а то лежим уж больше недели, а проку нет, а у меня дел в Москве – по горло!

– Хорошо-хорошо, я, конечно, как врач не имею права давать таких советов, но уж больно хочется ваш секрет узнать. Скажу, значит, как от камня избавиться. Надо выпить литра три-четыре пива, желательно темного, и положить грелку на почку. В большинстве случаев помогает, но, правда, не всегда, но в больнице я бы вам не советовал подобных экспериментов проводить.

– Вот мы завтра с Николаем и попробуем, а потом уж я и своим секретом с вами обоими поделюсь, если все выйдет. Попробуем, Николай, а?

– Попробуем, – уже слегка из дремоты пробурчал я, толком и не понимая, о чем идет разговор.

На следующий вечер Семен Петрович принес огромный пакет, доверху наполненный двухлитровыми бутылками с пивом, и поставил рядом с моей кроватью.

– Пей, Коля, я уже одну выпил, пока шел, нам надо с тобой таких по три выпить, грелки я тоже купил.

– Да вы что, Семен Петрович, не буду я. Это он пошутил вчера, наверно, да и опасно это, вдруг и правда выйдет камень и все повредит по ходу.

– А ты тут вечно лежать собираешься, в надежде, что он у тебя не выйдет?

– Да нет, ну надо, чтобы как-то по-человечески вышел, с помощью лекарств.

– Испугался, значит, камня?

– Ну да, испугался, да их все боятся, этих камней, это же боль такая дикая.

– Ну ладно, я тебя заставлять не собираюсь, делай чего хочешь, но только потом не жалуйся, что у тебя камень остался, а у меня – нет.

– Хорошо, не буду.

Семен Петрович выпил почти все пиво, положил грелку на почку и лег спать раньше, чем обычно. Мы пообщались с фотографом по поводу какого-то кинорежиссера, у которого он был дома, и тоже решили долго не сидеть – заснули через полчаса после Семена Петровича.

Я проснулся позже, чем обычно: кто-то закрыл шторы, и солнечный свет не попал в палату, подарив нам дополнительный час сна. Иван Васильевич при обходе решил меня не будить, так как после той посиделки мы с ним были на короткой ноге, и он везде, где только мог, мне помогал. Немного покрутившись, я повернулся к кровати Семена Петровича – она была пуста и заправлена по-больничному. Последнее говорило о том, что заправляла ее медсестра и больного уже в палате нет. Я резко вскочил и побежал к Ивану Васильевичу по коридору в одних только трусах. Расталкивая всех на своем пути, я боялся лишь одного: вдруг с Семеном Петровичем случилось что-то нехорошее, вдруг он вообще умер или лежит в реанимации, а камень разорвал ему все внутренности. В моей голове всплывали самые ужасные картины, и я почувствовал, что на моем лбу появились капельки пота. Забежав в кабинет Ивана Васильевича, я, прервав его разговор с другим врачом, закричал:

– Где он? Где Семен Петрович? Что с ним, говорите же!

– Да успокойся ты. Он выписался утром, все хорошо у него. Камень вышел, а тебя он решил не будить.

– Фу... ну, слава богу, а то уж я себя накрутил.

– Да, и еще одно, он тебе тут конверт оставил. Держи.

– А что там?

– Да откуда мне знать, открой и посмотри.

Я судорожно открыл конверт. Там лежал маленький камушек, видимо, тот, что вышел ночью у Семена Петровича, и листок бумаги, на которой был написан следующий текст:

«Коля, как и договаривались, отвечаю на ваш с Иваном Васильевичем вопрос. Так вот. Женщины – они как камни в почках. Пока ты их боишься, они тебе и ссать мешают, и всю жизнь портят, но как только ты наберешься смелости и выпьешь пива с грелкой (ну, как нам посоветовал Иван Васильевич), то они выйдут, и уже ты будешь решать, что с ними делать, а не они с тобой. Так что не надо их бояться, а если мешают по жизни, то выссывай их с пивом и иди дальше. Появятся новые камни, ты уж мне поверь.

Да, и еще одно, я оставил тебе пару больших бутылок пива у Ивана Васильевича, может, все-таки решишься. Ну, а так не поминай лихом. Твой Семен Петрович».

Я протянул письмо Ивану Васильевичу, взял бутылки с пивом и быстрым шагом направился к себе в палату.

Малика

Малика проснулась рано утром и сразу направилась к зеркалу. Оглядев себя с ног до головы, она, слегка подкрасившись, подбежала к календарю и, скользнув по нему острым взглядом, убедилась, что наступил тот день, которого она боялась больше всего в жизни. Это был ее двадцать пятый день рождения. Не то чтобы она не любила этот праздник, напротив, любила и даже очень, но вот только не сегодняшний. Год назад отец, после общего собрания села, предупредил Малику, что в течение года она должна определиться со своим избранным, в противном случае семья оставляет выбор за собой. А выбор этот был давно предопределен и не являлся для Малики секретом – хромым Хасан, которому было далеко уже за пятьдесят, хотел взять ее третьей женой. За что и пообещал трехлетний «Форд Фокус» отцу Малики, который отродясь не ездил на западных авто, а двадцатилетняя «копейка» уже была не на ходу года три. Поэтому сделка казалась заманчивой обеим семьям.

В молодости Хасан был не то чтобы красив, но не так уж и дурен, как это может иногда случаться. К женщинам относился сухо, никогда их не ласкал, а считал больше предметами интерьера. Своего рода коллекционировал их, чтобы лишний раз похвастаться ими перед своей многочисленной родней. Жены же Хасана боялись его и лишний раз предпочитали с ним не спорить. С годами Хасан сильно располнел, сломал как-то ногу в несурзающей истории, подравшись с молодым соседом из-за одной из своих жен, и окончательно осел в деревне, решив, что выезжать за ее пределы не имеет большого смысла. Продал почти все свое имущество, доставшееся от многочисленных предков, и открыл магазин в самом центре села, на остатки денег купил старенький «Форд Фокус», чтобы, по возможности, обменять его на молодую жену. Последнюю он, надо сказать, давно выбрал, но вот только никак не мог заполучить по причине несговорчивости отца и хорошей успеваемости Малики в школе. Малика была отличницей и представляла село на разных олимпиадах и торжествах, случавшихся иногда в районных центрах.

– Мирза, ты брось это дело, девчонку портить! Хватит ей отца позорить! Женщина должна еду готовить и детей рожать, а не науками всякими там заниматься. Для этого другие люди в природе есть, – упрекал Хасан отца Малики.

– Знаю, Хасан, знаю все, но что могу сделать, уж говорили ей все, просили ее одуматься и о будущем муже лучше думать, а она все читает и читает эти книги. Шайтан ее попутал, родителям горе одно, – оправдывался Мирза.

– Шайтан не шайтан, а ты давай вместе с женой поговори с ней. Не дело, чтобы так было. У всех как у людей, только у вас вот не как у людей. Ты же знаешь, я машину тебе приготовил, но, если так пойдет, придется отдать ее Осману, у него девчонка даже читать не умеет и не намного дурнее твоей Малики. Ну, может, и дурнее, конечно, но зато как готовит, пальчики оближешь!

– Поговорю с ней еще, Хасан, ты сгоряча не руби уж, одумается Малика, попридержи уж машину, – взмолился Мирза.

– Я-то попридержу, мне не жалко, но вот время-то идет, уже могла бы тебе двух внуков подарить, а моя Фатима бы вместо матери бы ей была. Так что я о тебе переживаю больше, Мирза.

– Ладно, не сыпь мне соль на рану. Буду сегодня с ней опять говорить.

Так бы и пропала Малика в женах хромого Хасана, но случилось своего рода чудо – в село пришла разнарядка из района выбрать школьника с самыми выдающимися результатами, чтобы отправить его обучаться не куда-нибудь, а в Соединенные Штаты Америки, по обмену опытом. Вечером состоялось собрание старейшин со всех окрестных сел.

– Надо отправить сына Абдулы, он парень красивый, сильный, не посрамит нас за морем, – начал один из старейшин. – Кинжал он бросает метко, а удар такой, что и лошадь на ходу свалит.

– Нет, он читать не умеет, опозорит нас. За всю историю аула никто из наших не выезжал за пределы страны, а тут сразу в Штаты. Тут нужны те, за кого стыдно не будет, ни нам, ни нашим детям, – вступился другой старейшина. – Надо Малику отправить, она умная девочка, не посрамит нас.

– Шайтан на тебя, старик, что ты несешь – женщину решил отправить! Позор! Женщина должна еду готовить и детей рожать! – закричал Хасан. – А Малика уже и так переходила в девках!

– Мы твои интересы знаем, Хасан, ты давно на Малику глаз положил и отца ее стращаешь своей каретой, но тут другое дело, тут, как бы тебе сказать, тут надо о будущем рода думать. О том, чтобы не стыдно за село было. А тебе дочь Османа отдадим, она девушка знатная и готовит хорошо.

– Я за дочь Османа машину не отдам, так возьму, а машину не отдам! Так и знайте!

– Хасан, иди ты к черту со своей машиной, Малику будем отправлять, чтобы там, в Штатах этих, рассказала про нас американцам всем, чтобы они знали, как мы тут живем, что кушаем и какие у нас обычаи. Пусть расскажет им про род наш, про то, что у меня сын в прошлом году в техникум поступил впервые из нашей деревни, и что он будет не свинопасом, а агрономом! Я тебе, Малика, напишу, что еще говорить американцам, чтобы ты не забыла. Только всем им скажи. А шайтана этого, Хасана, мы успокоим, с отцом твоим поговорим, так что ты не переживай, деточка! – заключил главный старейшина и велел всем расходиться.

Ночью расстроенный Хасан пришел домой к Малике. Не успев зайти за порог, он поклонился обоим ее родителям, протянул букет цветов молодой девушке, прошел в столовую и развернул мешок, который прихватил с собой. В последнем находился батон копченой колбасы, две лепешки и кувшин домашнего вина. Во дворе горкотала привязанная коза, подарок для матери Малики. Умелыми движениями Хасан нарезал колбасу и разлил по стаканам вино. Опешившие родители Малики смотрели то на Хасана, то на голодную козу, кричавшую истошным голосом во дворе. По поведению Хасана было видно, что он уже нетрезв.

– Уважаемый Мирза, уважаемая Фатима, я пришел просить у вас руки вашей дочери. В доказательство своих намерений, то есть их серьезности, я в качестве задатка привел козу. Добрую козу, надо отметить. Так вот, прошу вас отдать дочь по-хорошему. Да, и еще машину. Но ее после свадьбы, а козу сейчас забирайте, – начал Хасан.

– Хасан, ты же слышал старейшину. Малика в Штаты едет, учиться там будет. За тебя Османова дочь пойдет, она девушка добрая, – сказал Мирза.

– К черту Османову дочь, она страшная, не хочу ее. Что мне брат скажет? Что мне дядя скажет? Не знаете? А я знаю, скажут, что, чем старше Хасан, тем жены у него страшнее. Да? А я Малику хочу, я... я, может быть, люблю Малику и всегда любил ее.

– Опомнись, Хасан, она младше дочерей твоих, ребенок еще совсем, оставь ее в покое, – не выдержала мать Малики.

– Ах, вон вы куда, не чтите законы предков, хотите уважаемого человека старостью попрекнуть!

– Тише, тише, Хасан, не расходись. Пусть отучится Малика сначала, расскажет американцам про нас, а потом забирай ее в жены! Мы не против, но ты же сам слышал старейшину. Против его решения не попрешь, человек уважаемый, и его даже в городе знают.

– Проклятый старикашка, я ему это припомню еще. Ну ладно, Мирза, я тебе договор предлагаю: пусть отучится твоя Малика, может быть, дети у нас умные после этого будут, но, как только ей исполнится двадцать пять, ты ее вернешь домой и выдашь за меня. Если

согласен, то я оставляю тебе козу и держу для тебя машину, а если нет, то, помани мое слово, сам уговаривать меня будешь!

– Я согласен, согласен, но пусть уж отучится в этих Штатах, сам же говоришь – дети у вас умные будут. Представляешь, как хорошо-то! Это не мы с тобой, читать так за всю жизнь и не научились толком.

– Ну, тогда давай и выпьем за наш договор, скрепим наш новый семейный союз. – И оба чокнулись стаканами, наполненными доверху вином.

Поначалу жизнь в Штатах нравилась Малике, но со временем наскучила, и она все мечтала вернуться на родину: нет, конечно, не в аул к родственникам, а в Москву – город, о котором она слышала от друзей, где не только много карьерных возможностей, но и огромный выбор спутников жизни, как ей казалось в тот момент. Американцы особо не интересовались Маликой как женщиной, опасались ее происхождения и лишний раз предпочитали с ней не пересекаться. Почему-то так повелось с первого дня: ее просто не приняли, и мечта Малики переехать в Москву обретала силу с каждым днем. Получив заветный диплом, Малика купила билет на первый же рейс в Москву и уже утром следующего дня приземлилась в одном из ее аэропортов. Через два дня сняла комнату в общежитии на остатки американской стипендии и пошла работать на самую низкую должность в одну американскую компанию – заполнять справки в бухгалтерии ее сотрудникам. Зарплата и должность не имели для нее никакого значения: денег должно было хватить на комнату и на еду. Оставалось найти заветного принца за тот год, который отделял ее от злосчастливого двадцатипятилетия. Соседка по общежитию, работающая в соседней парикмахерской, успокаивала ее:

– Малика, не вешай нос. Ты же у нас принцесса, найдется твой принц. Приедет на белом «Мерседесе» за тобой, ну, или уж, на крайний случай, на «Ладе Калине». Так же твое имя на русский переводится?

– Вроде бы так. Но мне нужен с хорошей машиной, а то Хасан отцу «Форд Фокус» пообещал. Меня без выкупа не отдадут, Хасан не даст. Видела бы ты, какой он страшный.

– Да плюнь ты на Хасана этого, живи уже в Москве да и ищи себе парня.

– Я так не могу, у нас не положено. Мне деньги собирали всем аулом, когда я в Штаты поехала, и Хасан принес свою часть. Говорит, что ради умных детей ничего не жалко.

– Каких еще детей?

– Ну, наших, тех, что родиться должны. Ну, у меня с Хасаном.

– Жуть какая. Плюнь ты, я тебе говорю. Зачем тебе со стариком еще и детей рожать? Ну дура душой!

– Ладно, давай сменим тему, может, найдется нормальный парень, с машиной хорошей.

Но парень почему-то не находился. Не то чтобы их не было совсем. Были, и в достаточном количестве, но о свадьбе они и не помышляли: в столице свадьбы оказались не в моде. В лучшем случае предлагали гражданский брак, а в большинстве своем исчезали на следующий день после того, как Малика поднимала тему женитьбы. С машинами тоже было все плохо – их либо не было вообще, либо были купленные в кредит, к выплате которого Малике предлагали присоединиться. Один раз она даже умудрилась влюбиться в парня Лешу, который жил этажом ниже в той же общежитии, он был добрым, но бедным, иногда даже не ужинал, поэтому Малика приносила ему что-нибудь с работы при случае.

– Малика, давай поженимся, будем жить в общежитии, в одной комнате, что нам еще надо для счастья? Я отучусь и пойду работать, тогда можно и о детях подумать уже.

– Не могу я, Леша, Хасан отца убьет, наверно, если узнает, что я за тебя вышла. У тебя же нет этой проклятой машины, чтобы выкуп за меня можно было дать?!

– Ну, давай я заработаю и потом твоему отцу отдам, хочешь, кредит возьму?

– Да кто тебе даст кредит, тебе вон поужинать не на что?

– Я все смогу. Ты же знаешь, какой я целеустремленный.

– Сможешь? Когда? Мне через полгода двадцать пять стукнет, и Хасан за мной приедет с отцом.

– Ну, за полгода не смогу. Давай я с ними поговорю, с отцом твоим? А?

– Дурак ты, Леша, хороший, но дурак. Не понимаешь, как все в этом мире устроено. Романтик какой-то недобитый.

– А ты понимаешь? Отдадут тебя за Хасана этого, посмотрим тогда, как ты заговоришь.

Примерно в таком ключе заканчивались их с Лешей разговоры. Через пару месяцев, не получив согласия Малики, он решил переехать в другую общагу, чтобы лишний раз себя не травмировать. Последнее окончательно лишило Малику сил, и она впала в тяжелую депрессию и вечерами сильно плакала.

– Позвони Леше, он вернется, он нормальный парень, поймет все, – уговаривала Малику соседка.

– И что? Ну, вернется он, и что после этого будет? Хасан убьет его с отцом, если узнает. Нету у него машины, ничего у него нету, понимаешь, а мне машина нужна, не хуже «Форда Фокуса» желательно. Ты это понимаешь?

– Ну ты и дура, Малика, ломаешь себе так всю жизнь.

Через месяц соседка уехала в свой родной город и больше в Москву не вернулась. От Леша тоже не было новостей: его телефон не отвечал, а нового адреса Малика не знала. Коллеги по работе, хотя и поддерживали с Маликой поверхностное общение, но в целом были с ней формально прохладны.

В один из дней ей в голову закралась очень странная, но многообещающая мысль: предложить себя, то есть свою кандидатуру, в качестве жены кому-нибудь в компании. Малика сразу решила, что уже если и пойдет на этот отчаянный шаг, то будет играть по крупному и бить в самый верх, то есть по самым крупным кандидатам. Первым на очереди оказался президент компании. Не сказать, чтобы он уж сильно нравился Малике, но в целом был недурен собой, приветлив с ней в коридоре, а главное – богат, те машины, на которых он ездил с водителем, Малика видела только в журналах, да и то когда была в Штатах. В общем, заполучив такого кандидата, можно было бы забыть и о Хасане, и о его «Форде Фокусе» навсегда. Изначально мысль эта показалась ей бредовой, и Малика даже немного улыбнулась, но, чем больше она об этом думала, тем сильнее мысль обретала смысл и вес в голове Малики, пока наконец-то не превратилась в продуманный план. Малика размышляла в следующем ключе: «Он еще молод, не женат, ему нужна молодая красивая женщина, с хорошим образованием, за которую он готов все отдать. Так такая женщина есть, и это я – Малика. Разве это не так?» Машина на этом фоне казалась незначительной мелочью.

В свой двадцать пятый день рождения она пришла на работу раньше других, заглянула в кабинет президента и, убедившись, что он там, стала писать ему письмо:

«Уважаемый Господин Президент!

Перед тем как я перейду к основной теме своего письма, я бы хотела рассказать Вам свою непростую историю. Я родилась в маленьком ауле вдали от районного центра в семье бедных родителей. Училась я прилежно и успевала по всем предметам хорошо. Так что наши дети будут очень умными. Но... это я забегаю вперед. И все шло хорошо, пока не появился Хасан и не стал ко мне свататься, пообещав отцу старенький «Форд Фокус», которому уже лет десять. Вы легко сможете такую ему отдать, даже, надеюсь, и лучше, так как Ваши машины гораздо красивее. Так вот: идти третьей женой к старому Хасану я не хочу и не желаю. В аул возвращаться мне тоже нельзя, хотя они и собирали всем селом деньги на мое образование, но я, как и обещала, всем рассказала про то, что сын старейшины стал агрономом. Поэтому к этому вопросу у них претензий быть не должно.

Я девушка хорошая, красивая и очень добрая. По этой причине буду любить Вас всей душой и рожать Вам много детей. Больше мне в этой жизни ничего не надо. Прошу Вас, возьмите меня замуж! Ваша принцесса Малика».

Она несколько раз перечитала текст, внесла незначительные исправления и нажала кнопку «Отправить», предварительно напечатав адрес президента.

Утром следующего дня ее уволили. Вечером она купила билет домой и навсегда улетела из Москвы. Через год родила дочь.

Скандинавские пляски

В этот день он, как обычно, пришел на работу к девяти и сразу пошел на кухню заваривать кофе. Затем он открыл новостной сайт, где просидел, наверно, около получаса, читая всякие незначительные новости. Так Максим, а это было его имя, начинал каждый свой рабочий день уже последние лет пять. Но было одно «но» и появилось оно уже не менее чем года два назад, изменив собою рутинное начало дня, вернее, не оно, а «она». Звали ее Александрой. Максиму нравилось в ней буквально все, начиная от ее обворожительной внешности и заканчивая ее нежным именем, которое у него ассоциировалось с чем-то добрым, деревенским и по-своему далеким и уходящим корнями в детство. Так звали его первое домашнее животное, маленькую кошечку, которую подарила ему бабушка на день рождения. И это были исключительно добрые и светлые воспоминания, и почему-то даже они у него ассоциировались с Сашей. Ее татуировки внушали ему загадочный страх и в то же время вызывали скрытое неудержимое желание ее обнять, пожалуй как-то, закрыть собой ее хрупкое тело.

Закончив с просмотром Интернета, он обычно выходил в коридор и осторожно, заглядывая в офисное пространство, пытался найти кудри ее выющихся темных волос. Ухватиться за них взглядом и, поняв, что она уже здесь, рядом, всего лишь в паре десятков метров от него, наконец-то расслабиться, даже словно обрадоваться и пройти быстрым шагом мимо ее места, благо она сидела рядом с проходом. Особенно его радовали моменты, когда ее начальника и коллег не было рядом, тогда он не смущался и даже мог остановиться и поболтать с ней пару минут, так, ни о чем. Да и не важна была для него тема, главное, чтобы подольше, каждая лишняя минута для него имела огромное значение. Она наполняла его какой-то неведомой силой, энергией, которую он не мог больше получить нигде и которая заставляла его глаза светиться неким мистическим блеском.

Они не были друзьями, а уж тем более – любовниками. Скорее просто поддерживали добрые рабочие отношения. Но Максим уже не мог без нее, и в те дни, когда она не приходила на работу, он чувствовал себя не то чтобы несчастным, но каким-то то ли пустым, то ли разбитым. Ничто: ни успешная сделка, ни похвала начальства, ни даже подмигивание симпатичных девушек – не могло скрасить ее отсутствие. Ему было одиноко, и хотелось сразу позвонить ей, написать, да сделать все что угодно, лишь бы только почувствовать ее на том конце. Но этого он не мог себе позволить. Нет, даже не потому, что это как-то удивило бы Сашу, которая, скорее всего, догадывалась о его чувствах. Просто это было неправильно, во всем неправильно. А Максим был правильным человеком, и, чем правильнее он становился, тем сильнее щемило у него в груди. Да и рад бы он был уже избавиться от этой своей «правильности», плюнуть на все, позволить себе сделать хоть раз в своей жизни то, что и вправду хочется, но только вот в последний момент... не решался. Все-таки много всего там за этими плечами к сорока-то годам, и менять жизнь уж совсем нелегко, когда за спиной семья, а главное, дети. Да и к лучшему ли будут эти перемены, непонятно. В таком роде он начинал рассуждать, и все потихоньку сходило на нет, а к этому времени уже начинался обед, куда, кстати, тоже иногда можно было выбраться с Сашей. В такие дни он расцветал по-особенному, и Саша это чувствовала. Она ведь тоже все понимала, но в таких делах все скорее зависит от мужчины, чем от женщины. Инициативу в свои руки она никогда не брала, и этот случай для нее исключением не был.

Шли годы, и ничего не менялось. Более того, все уже к этому привыкли, и это стало своего рода ритуалом. Поначалу люди даже как-то шептались, обсуждали, а потом уже и плюнули, видя, что ничего серьезного по большому-то счету не происходит и каких-то активных действий Максим не совершает. Но то, чего не было наяву, так и не уходило из головы Максима, ни когда он вел серьезные переговоры, ни когда просто лежал дома и смотрел телеви-

зор, даже скорее прогрессировало с новой силой, расшатывало и без того слабое сердце. Это было своего рода болезнью, от которой он не так уж и хотел лечиться. Нужен был какой-то случай, который бы все изменил, перевернул бы с ног на голову, заставил бы наконец-то скинуть оковы и вдохнуть полной грудью, изголодавшейся по настоящим чувствам. И он ждал его и по-своему боялся, что случай этот может вдруг наступить и сломать всю его жизнь. Поэтому желание и страх боролись в нем, перетягивая одеяло то в одну, то в другую сторону. Но, как говорится, если чего-то сильно ждать, то оно рано или поздно происходит.

Планировалась командировка в Норвегию, для которой срочно нужен был юрист. Штатных у Максима не было, поэтому появился хороший повод попросить на время поездки Сашу. Благо с ее начальником у Максима отношения были хорошими и отказа он не ожидал. Появился долгожданный шанс, который Максим решил использовать. В то же время его сильно давила мысль о том, что вдруг все получится, вдруг то, что копилось годами, выйдет наружу и разрушит ВСЕ, сметет всю его жизнь, как цунами сметает соломенные домишки. Хотя можно ли было назвать его рутинную и однообразную жизнь счастливой, он тоже не знал. Поэтому страх начал раздирать его еще на вылете в Домодедово, отчего он решил выпить в баре с коллегами, хотя до этого ни разу с ними не пил. Коллеги, конечно, что-то заподозрили, но виду не подали, так как по-своему любили Максима за его доброту и порядочность.

Погода в Осло была ужасной. Мало того, что было холодно, так дул еще и сильный ветер, перемешанный с мелким дождем. По этой причине все решили сразу ехать в отель и не задерживаться в городе, хотя изначально планировали небольшую экскурсию. Но настроение у группы все же было хорошим, то ли от новой обстановки северной страны, то ли от нескольких бутылок коньяка, выпитых в самолете. Веселились все, и всем хотелось это веселье продолжать. Некое безудержное веселье, свойственное только русским людям, поглотило их. И мало кто может в нем остановиться и удержаться, оно охватывает вас, как круговорот, и несет неведомо куда, хорошо еще, если к чему-то не очень опасному, хуже – если наоборот. Но в такие моменты русский человек уже ни о чем не думает, ему бы только найти где еще достать выпить, а там уж, как говорится, и трава не расти. Вот в такой вот ситуации и оказалась наша веселая компания.

– Саша, вы самая замечательная девушка! Давайте выпьем за Сашу! – закричал Максим.

– За Сашу! – поддержала его толпа.

– А она еще стихи пишет. А вы не знали? Так у нее стихи самые лучшие на этой планете! Все поэты по сравнению с ней – ничто! Да нет, просто дерьмо, будем говорить все как есть. Так сказать, по-русски. Нам стыдиться нечего! – прокричал Максим.

– А пусть она прочитает что-нибудь! – попросил один из сидящих по имени Костя.

И Саша прочитала один из своих самых любимых стихов.

– Здорово! – прокричала толпа.

– У нее и другие есть, даже лучше, чем этот... гораздо лучше, – решил таким образом поддержать ее Максим.

Саша к этому моменту сидела уже вся красная, то ли от перебора коньяка, то ли и правда от застенчивости, которая вряд ли могла наступить после такого количества выпитого.

Вечер продолжался, и толпа направилась в местный клуб потанцевать и почувствовать местную северную специфику. Саша хотела было уже отправиться спать, но Максим ее уговорил остаться. Все погрузились в такси и поехали в клуб.

Сложно назвать это танцами, но все прыгали, как умели, пытаясь хоть как-то попадать в такт и не очень уж распугивать местную молодежь. Бармен только и успевал наполнять все новые и новые рюмки норвежской водкой, чтобы хоть немного охладить пожар в душах

наших соотечественников, ну, или наоборот, разжечь его до невероятных масштабов, помогая всей русской прыти и дури выплеснуться на помост скандинавского клуба. Танцевали и Саша с Максимом, который в этот момент уже ничего не боялся и забыл обо всем, что осталось в его далекой стране. Количество выпитого зашкаливало, и понятие морали забылось еще рюмок шесть назад. Саша же, наоборот, не была настолько уж пьяна, чтобы потерять контроль над собой, и намеренно пропускала тосты.

– За Александру, весь вечер все будем пить за Александру, запишите на мой счет! – начал уже угощать местную публику Максим.

Спустя еще полчаса он попытался заказать норвежскую песню и посвятить ее Саше, но бармен так и не понял его уже неанглийского языка. Максим то шипел, то глубоко дышал, то с особым рвением ревел, видимо, куплеты из неисполненной песни. Его уже мало кто понимал, и он носился в диком, как ему казалось, скандинавском танце по клубу, распуская местных жителей, которые еще не успели уйти. Вдруг он поймал себя на мысли, что уже едет в отель в такси и рядом сидит она... Саша.

– Слушай, Саша, ты извини, я там перебрал немного, я так-то обычно не пью, – стал оправдываться Максим.

– Да ладно, со всеми бывает, не железные же, все мы – люди, – с пониманием ответила она.

– А, ну хорошо, что ты все понимаешь, а то я уж как-то напугался, что, мол, подумаешь чего там про меня, – продолжил Максим.

– Да нет, не переживай, я все понимаю.

Вдруг она потянулась к нему и поцеловала прямо в губы. Он опешил. Но она не останавливалась, и Максим ответил взаимностью.

Они доехали до отеля и без слов поднялись в ее номер, начиная срывать одежду друг с друга еще в лифте. Ими уже вовсю овладела безудержная страсть, и то, что копилось годами, выплеснулось в минуты или даже секунды. Максиму даже стало казаться, что вокруг их постели горит огонь и мечутся тени мистических скандинавских существ, но он стал отгонять от себя эту мысль, списывая все на выпивку. Но если огня не было снаружи, то он явно был внутри. И вдруг внезапно, как цунами, накатила волна оргазма, и он закричал, так, как никогда еще не кричал, распуская остатки теней скандинавских богов и гася костер вокруг кровати.

– А-а-а-а! – вырвалось у него из зажатой груди, и он проснулся от того, что между ног все было мокрым.

Он открыл глаза. Рядом с кроватью стоял испуганный и бледный Костя.

– Максим, ты живой? Ты всю ночь орал так, что я решил у тебя остаться, думал уж «скорую» вызвать, – объяснил Костя.

– А где она?

– Кто?

– Саша, она не здесь? – испуганно спросил Максим.

– Нет, тут только я, – удивился Костя.

– А она где?

– Не знаю, спит, наверно, еще, она из клуба вчера почти сразу уехала, даже не увидела, как мы местные шаманские пляски устраивали, – усмехнулся он.

– И я устраивал?

– Ну да, ты же главным шаманом был, орал там что-то по-норвежски, говорил, что ты его в школе учил, а потом вырубился и начал выть, ну, я тебя домой и повез сразу, – объяснил Костя.

– Теперь понятно, откуда тени.

– Какие еще тени? – спросил Костя.

– Да так, не важно.

Они по очереди умылись и пошли на завтрак, где случайно встретили Сашу.

– Привет, Максим, голова не болит после вчерашнего? – поинтересовалась она.

– Нет, все хорошо, не болит, – умело соврал он, но голова почему-то и правда не сильно болела, но где-то в груди все-таки все еще щемило сердце.

Конфуз

Матвей работал еще со школьной скамьи: рос он без отца, погибшего на войне, и в своей семье был самым старшим мужчиной. Начинать он свою карьеру как чернорабочий на одном из предприятий на рынке нефтесервисных услуг, потом стал младшим техником и так, шаг за шагом, дорос до инженера, одновременно получив заочно высшее образование. Матвей был трудягой. Тяжелое детство и повышенное чувство ответственности выработали в нем стальную закалку: просыпался он с рассветом, а ложился глубоко за полночь, медленно, но верно двигаясь вверх по карьерной лестнице. Так к сорока годам он дорос до должности главного инженера компании, которая, в свою очередь, превратилась в трест. В подчинении у Матвея была уже не одна сотня человек. Но, несмотря на свое высокое положение, он, как и раньше, выезжал в поле на работы при первой возможности – любил потрогать оборудование руками и поучаствовать в процессе его спуска в скважину. Из-за этой своей особенности Матвей периодически попадал на ковер к директору.

– Матвей Григорьевич, ты уже давай брось это дело – по полям ездить и с полевиками вместе работы делать. Все-таки уже второй человек треста – несолидно, – обычно начинал разговор директор.

– Евгений Николаевич, не могу с вами согласиться. Полевики меня за это уважают, понимают, что свой человек, и доверяют мне. Для них, понимаете, важно, что их начальник вырос из их среды, говорит с ними на одном языке, а не какой-то поставленный сверху менеджер, не понимающий ничего в деле, – защищался Матвей.

– Знаю я это, но уже уровень не тот у тебя. Лет десять назад, когда мы еще небольшой компанией были, может быть, и поддержал бы я тебя, а сейчас вот – не могу. Так что давай бросай ты это дело. Тебе теперь костюм надо носить каждый день, а ты все еще на работу в своем комбинезоне полевым ходишь. Тьфу, аж неудобно иногда.

– Но это я только, когда нет гостей у нас и встреч официальных, а так я всегда – с иголочки одет. Это вы уж зря.

– Матвей, слушай, да мы же с тобой вместе эту компанию создавали. Я не потому все это говорю, что вредный такой, просто меня иногда и самого коробит, когда ты в своей полевой одежде в кабинете сидишь. А вдруг наведается кто-нибудь из наших иностранных гостей, ну, тех, что купить нас хотят, а ты вот так сидишь, как рабочий простой. Так испугаются, а еще чего – от сделки откажутся.

– Это уж ты хватанул лишнего. Сдался я им со своим нарядом! Не нагоняй, Евгений, прошу тебя.

– Хорошо-хорошо, не буду. Но ты мне пообещай уже не ездить больше по скважинам, а на работу приходить в костюме. Вон, пусть твои заместители катаются. У тебя же их несколько, и все, кстати, в костюмах ходят.

– Ладно, обещаю. А когда иностранцы приезжают? И по цене с ними договорились уже?

– Должны приехать в понедельник. Цену – да, согласовали. Ну, Матвей, скажу тебе – жуки еще те оказались, за каждую копейку бились. Прямо сейчас – гора с плеч.

– Ну, а нам-то после продажи выплатят что-нибудь, мы же с тобой по двадцать лет отпахали тут, я слышал, что они обычно премии выплачивают неплохие при таких делах?

– Ну, я сейчас пытаюсь пробить все это, но ты тоже губу-то не раскатывай, мало ли чего там и кто говорит. Я вот тебе скажу, что иностранцы эти очень жадные товарищи, удавятся за копейку, но я быюсь... – соврал Евгений Николаевич, предварительно согласовавший с покупателями все детали своего компенсационного пакета.

– Да я на самом деле и не рассчитываю, так уж решил спросить. Будет – хорошо, не будет – ничего страшного, переживем. Главное, чтобы работа осталась.

– Ну, тут-то не переживай, порядки пока им наводить свои не дам. Пусть пройдет годика три, потом уж перестановки свои пусть делают. Об этом у нас с ними договоренность, – зачем-то опять соврал Евгений Николаевич.

– Ну хорошо, если все так, как ты говоришь, – закончил разговор Матвей.

Матвей вышел из кабинета директора, зашел в раздевалку и достал свой рабочий комбинезон. Несколько раз его оглядел, как будто ощупывая взглядом каждый его сантиметр, зачем-то понюхал и резко прижал его к груди, как что-то очень дорогое, памятное и значащее больше, чем многое для человека. Затем он аккуратно сложил его в коробку и положил в машину, чтобы вечером забрать домой – больше он надевать его на работе не планировал.

Так закончилась рабочая неделя, за ней пролетели выходные, и наступил понедельник – день ответственный и важный, время встречи с покупателями и долгожданного закрытия сделки. Процесс покупки длился больше года и изрядно поистрепал всем нервы, внося какую-то неопределенность в жизнь каждого сотрудника. Однако с приходом иностранцев все ждали перемен к лучшему – белой зарплаты, новых стандартов, а главное, новых технологий, способных качественно поменять положение компании на рынке, так как со времен распада Союза в работе компании не менялось ровным счетом ничего. Основные контракты добывались при помощи личных связей директора, благодаря чему и росла компания. Матвей все это хорошо понимал, а главное, понимал то, что компания не выдержит никакой конкуренции на рынке, если что-то случится с этими связями и на рынок выйдут новые, продвинутые игроки, способные завоевывать объемы работ за счет качества и новых подходов в управлении. Всего этого очень опасался Матвей и часто обсуждал положение дел с директором, но тот был негибким в этом вопросе:

– Матвей, я тебе говорю, не ссы, у меня в этом регионе все схвачено. Тут все люди свои, не видать тут другим компаниям ничего.

– Да я не за себя-то боюсь. Ты пойми, у нас за последние лет десять ничего не поменялось. Мы отстали от мира. Надо новые технологии внедрять, людей обучать, а то так и останемся в каменном веке, понимаешь? – защищал свою позицию Матвей.

– Ну, приставучий ты, Матвей, чего тебе не сидится, живи и радуйся! Директор – друг, зарплата хорошая, а главное, стабильная. А тебе еще и прогресс подавай. Откуда у тебя столько энергии? Мне бы уже на пенсию и с внуками...

Так примерно проходили все их разговоры на эту тему. Матвей и правда не унимался, он хотел развития всей душой, он мечтал о том, что компания когда-нибудь будет захватывать рынки в новых регионах, где нет связей у Евгения Николаевича. И мечта это была настоящей, не надуманной, а произрастала из каких-то внутренних человеческих установок Матвея. Он даже был готов пожертвовать ради этого частью зарплаты, карьерой, многим – только бы успеть это увидеть и пожить в этом.

С ожиданиями перемен он зашел в свой кабинет, закрылся и стал ждать исхода встречи Евгения Николаевича с приехавшими иностранцами. Переговоры длились недолго, и после обеда Матвею позвонил директор и попросил зайти. Матвей как ошпаренный вскочил с места, за несколько секунд преодолел расстояние, разделяющее их с Евгением Николаевичем кабинеты, и распахнул дверь начальника. У последнего на столе еще стояла недопитая бутылка французского коньяка, в воздухе витал стойкий запах кубинских сигар.

– Матвей, ну все, брат, подписали! Два года мучились с этой сделкой и наконец-то все закончилось. А!.. – закричал директор и кинулся обнимать Матвея.

– Ну, слава богу, а то я уже сам не мог себе места найти, с утра закрылся в кабинете и все ждал, переживал. Накручивал себя, в общем, ты же знаешь, как я себя накрутить могу.

– Знаю-знаю, поэтому сразу тебе и позвонил, как они ушли. Матвей, ты не представляешь, какие они жуки, торговались опять, вплоть до туалетной бумаги. Это нервы какие... Всю душу вынуть готовы. Но я тебе скажу, я – молодец. Почти все отстоял, – сказал директор и налил себе коньяку.

– А что не смог отстоять? – спросил Матвей больше для продолжения беседы.

– Ну, есть там пара моментов, ты, кстати, выпей, – сказав это, Евгений Николаевич повторно налил себе и протянул одну из рюмок Матвею, – в общем, несущественных, конечно. Но ты пей давай! За сделку!

– За сделку!

– Матвей, в общем, я не хочу кривить перед тобой душой и вилить всячески. Ты меня знаешь, я человек прямой.

– Говори как есть, что случилось.

– Ну, они хотели своего генерала вместо меня поставить, но ты сам понимаешь – глупый ход, кто их тут знает? Дилетанты. Тут, в общем, я отбил. Но компромисс обошелся мне дорого. В общем, б***ь, инженера своего хотят на твое место. Но я...

В этот момент у Матвея закружилась голова и стали подкашиваться ноги, такого удара он не ожидал. Перед глазами образовалась пелена, а в ушах стоял нехарактерный звон. Как будто кто-то сильно стукнул его по голове. Он схватил бутылку с остатками коньяка и залпом ее допил. Слух стал возвращаться.

– Ну, ты чего, Матвей, ты чего творишь, тебя так и удар хватить может. Я же тебе говорю... Да ты дослушай меня. Они тебя не увольняют, просто хотят своего на твое место. Это нормальная мировая практика. Просто мы с тобой не знали, думали, все будет, как и прежде. Но я и тут постарался – должность тебе выбил новую.

– Какую?.. – уже безразличным тоном спросил Матвей.

– Да еще какую! Крутую должность. Будешь этим, как его, б***ь, написано же тут. – Директор стал нервно рыться в бумагах. – А, нашел, вот тут написано – Сениор Филд Инженер. Ты только послушай – это главный полевой инженер. Можно сказать, как и раньше было, но только теперь с ориентацией на поля... А ты всегда так хотел. Так что даже лучше получилось. Мы же только недавно по этому поводу ругались, помнишь? Ну, на прошлой неделе, – нервным голосом говорил директор, открывая новую бутылку коньяка.

– Помню... – так же безразлично ответил Матвей и выпил еще одну рюмку коньяка. В глазах у него стояли слезы.

Через неделю Матвея выселили из кабинета, куда переехал его сменщик-иностранец, а сам он полетел на свою первую работу на скважине в составе интернациональной команды. Работа это была знаковая – первый совместный опыт. Два инженера с российской стороны, два – с западной. Скважина при этом была очень сложной: находилась недалеко от Муравленко, в зоне почти что вечной мерзлоты. Добираться до нее было неудобно, а главное, что и условия проживания не радовали даже бывалых российских полевиков, не говоря уже об иностранцах, которые от увиденного пришли в полный шок и все время грелись в балке, практически не выходя на улицу. По этой причине всю работу делал Матвей Григорьевич со своим помощником. Иностранцы же больше помогали советами, так как оборудование было западным и нашим полевикам требовались советы по его эксплуатации. Несмотря на все сложности, через неделю работа была успешно завершена, и на скважину прилетели руководители компании, чтобы ее принять и поздравить коллектив с первым успешным опытом – Евгений Николаевич и Джон Маккай, новый главный инженер из Техаса.

Вечером в балках, где проживали инженеры, накрыли стол и приготовились к празднованию события. Перед тем как приступить к пиршеству, Евгений Николаевич подошел к Матвею и сказал:

– Ты чего опять в своей старой робе ходишь? Мы уже западная компания, а ну, давай быстро переоденься в новую, чтобы за столом сидел как образцовый инженер западной компании, а не как замызганный работяга, – строго начал Евгений.

– Слушай, у меня уже все это вот здесь сидит. – Матвей поднял два пальца и приставил их к своему горлу. – Я тут за всех неделю батрачил, эти иностранцы даже в туалет на улицу выйти не могли, а теперь тебя еще моя одежда не устраивает.

– Матвей, уймись, пожалуйста, ну, я тебя прошу, как друга, как брата своего прошу. Ну, не порть все.

– Ладно, надену я их форму. В конце-то концов, это не повод для ссоры.

– Ну и здорово! Ты только не сердись, Матвей, ну правда все очень серьезно, торжественно, я бы сказал. Надо все это на фотоаппарат снять, на камеру. Они, кстати, хотят это все в Штаты отправить. Ну, любят шумиху всякую.

– Ладно-ладно, уговорил ты меня.

Матвей подошел к своему ящику и быстро переоделся – через минуту на нем уже была абсолютно чистая, накрахмаленная форма западной компании. Через полчаса все инженеры и приехавшее руководство сидели за столом и откупоривали бутылки с привезенной водкой, разливая ее по рюмкам. Первый тост произнес Евгений Николаевич:

– Хочу выпить за нашу интернациональную команду, которая успешно справилась с первой работой! Молодцы ребята! Ура! И сразу еще отмечу работу Матвея Григорьевича, который, со своей стороны, все это организовал и проявил, можно сказать, инициативу.

– Да он у вас талант... управлять людьми, я думаю. Вон даже одежда не испачкать, как новенький, – в шутку сказал Джон на ломаном русском.

– Да, он талант, особенно в управлении, – поддержал его Евгений Николаевич, который боялся возражать своему новому главному инженеру.

– Извините, мне надо выйти, – вскочил вдруг Матвей и выбежал на улицу. То ли от нервного напряжения, то ли от обиды у него свело живот, и он судорожно искал первый куст, чтобы сходить в туалет. Подбрав нужное место, Матвей стал стягивать с себя комбинезон, который оказался сплошным, с болтающимся огромным капюшоном. На улице было минус тридцать пять и царила кромешная тьма, поэтому Матвей, наученный выживать в суровых зимних условиях, сделал свое дело по-быстрому и вернулся в балок. В этот момент шел уже третий тост, который произносил Джон:

– Хотел бы выпить за... дружба, потенциал и, как его там, – он посмотрел в заранее подготовленную бумажку, – за загадочную русскую душа. Вот!

Все засмеялись и выпили водку. В балке становилось все теплее, то ли от того, что в крови сильно подскочила концентрация алкоголя, то ли от специально расставленных обогревателей у стола по случаю приезда начальства. Однако с приходом тепла в воздухе появился какой-то сероводородный запах, не обращать внимания на который становилось все сложнее и сложнее. Первым не выдержал американец:

– Smells like shit! – вдруг сказал он.

– Что, извините? – вмешался Евгений Николаевич.

– Запах какой-то нехороший, как дерьмо!

– Да это тут всегда так, от болот воняет. Тут местность такая специфическая, – соврал директор, но ему никто не поверил.

Через полчаса запах стал еще сильнее, и некоторые из сидящих стали выходить на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Решено было проветрить балок – на какое-то время это помогло, но не надолго. Евгений Николаевич быстро разлил водку по стаканам, в надежде, что Джон скорее захмелеет и перестанет интересоваться источником зловоний. Техасец попросил слово:

– Хочу выпить за то, чтобы дерьмом перестало вонять! Вот!

– Позволю себе поправить вас – не дерьмом, а сероводородом, – аккуратно вставил Евгений Николаевич.

Вдруг Джон устремил свой взгляд на отвисший капюшон Матвея, шмыгнул носом, как будто что-то пытаясь там понюхать, и спросил:

– Матвей, а почему у вас из капюшон торчит туалетный бумага и он как-то странно висит, будто там что-то лежать?

Матвей нервно сунул руку в капюшон и сразу все осознал – причина истощного запаха была найдена. Не ответив на вопрос американца, он подошел к своему ящику, переоделся в свою старую форму, а новый комбинезон выкинул на улицу. Собрав на скорую руку вещи, он вышел из балка и попросил водителя довезти его до ближайшего вокзала. Утром он написал заявление об уходе. Через месяц Джон перешел на должность директора компании. Евгений Николаевич наконец-то занялся своими внуками.

Метель

Юрий вглядывался в маленькое окошко иллюминатора и не мог разглядеть почти ничего – вокруг на многие километры все было затянуто белой пеленой снега. Иногда попадались какие-то отдельные строения – не то деревни, не то вахтовые города, – но все это были маленькие песчинки на фоне распростершейся тундры. Несмотря на всю скудость пейзажа, Юрий не мог оторвать от него глаз – это была его первая в жизни командировка, а точнее, выезд на скважинную работу в другой город. По этой причине он пытался фотографировать все, что попадалось на глаза, дабы по возможности показать родственникам и друзьям те места, в которые его направили.

Юрий вырос в небольшом провинциальном городке. Отец с матерью держали собственное хозяйство и торговали мясом на местном рынке по выходным. Другой работы в городе они не нашли – ее просто не было. Все заработанные деньги складывали на обучение Юрия – верили, что он единственный из их семьи сможет пробиться в люди и сделать хоть какую-то карьеру, а не перебиваться временными заработками. Где-то внутри они надеялись, что сын вытащит их из той дыры, где они жили, и они смогут посмотреть мир на старости лет. Надеялись, что это еще не поздно, и настоящая жизнь только начинается, поэтому подходили к воспитанию Юрия самым трепетным образом. Кормили сына только самыми свежими продуктами, особенно кропотливо следили за его здоровьем – единственный сын был надеждой и опорой для всего их рода. Действительно, вырос Юрий на этом подсобном хозяйстве здоровым русским парнем двухметрового роста с весом далеко за сотню. Со стороны напоминал богатыря из былинных русских сказок. Но особенно поразительным было его лицо – оно было искренне добрым и светлым, словно у ангела. Голубые глаза как-то по-особенному ярко выделялись на белой коже, а светлые кудри спускались до самых плеч.

Юрий был оптимистом и верил, что сможет всего добиться. Доказать себе и окружающим, что он особенный, не такой, как все, что если очень захотеть и поставить цель, то можно и горы свернуть. А цель у него была, и он твердо к ней шел. Поступив в университет, он все время занимался, пытаясь хорошо сдавать сессии и не отвлекаться ни на что. Иногда занимался спортом. Шумных университетских компаний пытался избегать, девушек – сторонился. Учеба, однако, давалась трудно. Недостаток образования в провинциальном городе особенно ярко дал о себе знать в одном из ведущих московских вузов. Несмотря на усердность всех занятий Юрия, сессии с трудом удавалось сдавать на тройки. Но он потихоньку двигался вверх и, доучившись до третьего курса, уже обгонял многих в своей группе, а после и вовсе выбился в лидеры. Недостаток способностей компенсировался колоссальными усилиями.

Университет Юрий закончил почти на «отлично» и сразу же устроился работать полевым инженером в западную сервисную компанию. Сбывалась его мечта: зарплата хоть и не была огромной, но все же превосходила компенсацию большинства из его однокурсников. Английский язык являлся основным в общении и переписке, поэтому появился шанс его наконец-то подтянуть, чтобы можно было со временем и вовсе уехать из страны в поисках лучшей жизни. Юрий хорошо помнил о мечте родителей и не хотел тянуть с ее реализацией. В общем, все складывалось по плану. У Юрия даже появилась девушка – Наташа, не москвичка. С последними он старался не общаться – они казались ему слишком заносчивыми и высокомерными и смотрели на него с каким-то явным пренебрежением, про себя обзывая «деревенщиной». О последнем Юрий, конечно, не знал, но, встречая недобрый взгляд москвички, думал что-то вроде «я тебе еще покажу, какой я деревенщина». Хотя он и был амбициозным человеком, но был по-своему очень добрым и спокойным – относился к людям с некоторой заботой и любовью.

Юра с Наташей снимали небольшую однушку недалеко от офиса западной компании. Наташа подрабатывала на кафедре и пыталась поступить в аспирантуру, чтобы, по возможности, остаться работать преподавателем в университете. Вечерами они после ужина садились пить чай и обсуждать планы на будущее:

– Вот получу, Наташка, «Синиор Филда» – сразу заживем! Им больше сотки сейчас платят! Можно и машину будет взять в кредит, и родителей в Москву перевезти.

– Да ты еще и в командировки-то не ездил, пока только тренинг прошел. Какой тебе «Синиор», рановато еще и думать об этом.

– Да ладно тебе, уже и помечтать не дает. Скучная какая-то! В корпорациях главное – политика и выстраивание отношений. Я это сразу понял. А так будешь батрачить до конца дней своих и не вырастешь никуда.

– Ладно-ладно, помечтай! А родителей-то зачем тянуть сюда решил, нам и на двоих-то с трудом хватает денег, а еще и их содержать?

– Про родителей вопрос отдельный. Они всю жизнь мечтали из нашего городка съехать, посмотреть мир хоть. Пусть пока в Москве покантуются, а потом... туда их отправим.

– Куда это туда?

– Ну, в Лондон, к примеру, или в Хьюстон какой-нибудь. Посмотрим, где лучше.

– Ой... насмешил ты меня, да они у тебя и в Москве-то потеряются. За всю жизнь ни разу так и не выехали из своего Урюпинска.

– Ты это, того... не тяни на них. Они у меня хорошие. Возьму им репетитора тут, пусть язык пока учат.

– Ладно, глупости все это. А куда тебя посылают-то на скважину? В какой город?

– Под Усинском скважина, километрах в двухстах от города. В тундру отправляют, – с гордостью добавил Юрий.

– Ничего себе, далеко как. Главное, осторожнее там, в этой тундре. Я слышала, там медведи есть.

– Мужская работа! А ты чего хотела? Это тебе не бумажки в офисе перебирать.

...Самолет приземлился в аэропорту Усинска. Юрий все еще смотрел в иллюминатор. Перед ним располагалось небольшое двухэтажное здание убогого вида, скорее напоминающее барак, чем то, что он видел в Домодедово. Вокруг их самолета стояло несколько вертолетов и пара затянутых снегом старых советских лайнеров, которые до этого он видел только в кино. «Ух, жопа-то какая, не ожидал я, что все так скромненько тут!» – промелькнуло в его голове. Дождавшись своего багажа, он нашел встречающего водителя и направился на базу. Путь был неблизким, но от обилия снега вокруг и солнечных лучей, отражающихся от всех поверхностей, он вначале прищурился, а после и вовсе задремал. Через два часа машина остановилась у крыльца базы, на котором стоял и курил матерый полевик по имени Дмитрий.

– О, молодняк привезли, пополнение! – в шутку сказал Дмитрий, протягивая руку Юрию. – Ну, привет, меня Димой зовут, будешь пока со мной работать.

– Здравствуйте, я – Юрий. Очень приятно.

– Да можно на ты. Нам с тобой тут много чего надо сделать. Так что лучше сразу – без всех этих формальностей. Работа на Севере не простая, Юра, но и не сложная, если, конечно, привыкнешь. Но ты вроде, как я вижу, не из пугливых – кровь с молоком!

– Ну, есть такое дело, родители хорошо кормили, – застенялся Юрий.

– Тут твоя силушка пригодится, Юра. На этих работах дохлякам делать нечего.

– Я вас не подведу. Я справлюсь.

– Ну, будем надеяться, сегодня давай отдыхай, а завтра утром с рассветом выезжать надо. Нам до скважины километров двести добираться. По тундре это нелегко. Тебе надо еще очки подобрать, а то так и ослепнуть можно от белизны этой.

– А нас туда на вертолете отвезут?

– Ишь ты... на вертолете! Сами поедем на машине. У меня джип тут специальный для этих дел есть, везде проехать может. Пока еще не подводил.

– А тут дорога к этой скважине идет?

– Не совсем, где-то поедем по снегу, а где и дорога проходит. Так что ориентиры есть, не ссы, главное.

– Так тут, наверно, замечает все, ветрина вон какой дует.

– Вдоль дорог стоят специальные маяки, которые отражают солнечный свет, по ним и ориентируемся. Правда, местные чукчи часто их ломают, в этом проблема большая.

– Зачем?

– Ну, может, на подарки детям, а может, на что другое. В общем, кто же их знает, этих чушек?! Что у них там в голове... Уже сто раз их просили не трогать, но с ними разве договоришься? Ладно, ты в голову не бери. Я уж тут не первый год – доберемся.

...Они выехали с рассветом, как только стали видны очертания дороги. Несмотря на недостаток сна, Юрий чувствовал себя прекрасно – он ехал на первую в своей жизни работу, где наконец-то мог попробовать применить все то, чему его учили. Дмитрий же, напротив, был не в самом хорошем настроении и постоянно курил. Его смущал утренний снег и неприятный боковой ветер, который еще не создавал сложностей, но мог со временем и перерасти в метель или выюгу. Дмитрий не боялся потеряться – в джипе был спутниковый телефон и запас еды на два дня. К тому же он хорошо знал места вокруг. Однако несвойственное ему предчувствие чего-то нехорошего давало о себе знать. Сигареты скуривались одна за одной.

– А почему вы все время курите? – поинтересовался Юрий.

– Потому что хочется.

– Ну, так это же вредно?

– Много чего вредно. Жизнь вообще вредная штука, Юра. Поживешь с мое – узнаешь.

– А я вот жить люблю! Надо просто быть оптимистом. Специально настраивать себя позитивно. В жизни все можно преодолеть и всего добиться.

– Ну, здесь у тебя будет возможность и для того и для другого. Суровая работа – хорошая проверка, Юра.

...Через несколько часов они добрались до скважины. На ее устье был выстроен небольшой домик со всеми удобствами, поэтому работы проводились не на улице, а в этом своеобразном строении. Такое встречалось нечасто и среди полевиков могло считаться сильным везением – несколько часов работ предстояло провести не на лютom морозе, а при почти комнатной температуре. Домик чем-то напоминал по форме юрту – на стенах висели местные ковры и стояли лавки. Был также специально оборудованный уголок, где можно было разогреть еду и попить чаю. Все это хозяйство охранялось парой охранников, одетых в форму какой-то западной компании.

– Ну, Юра, смотри, как тебе подфартило. Не скважина, а целый дом с удобствами. Там и туалет, наверно, есть.

– Я и не знал, что такое бывает. То есть нам рассказывали на тренинге, но я никогда не видел.

– Бывает, но редко. Я сам такое первый раз, если честно, вижу. Так что первую свою работу будешь выполнять в райских условиях. Везучий ты у нас, – ехидно пошутил Дмитрий.

Иностранцы специально оборудовали скважину как образцово-показательную. Она была пробурена первой на всем месторождении и давала большие притоки. По этой причине на нее периодически прилетали большие начальники со всех частей света, которых надо было встречать и устраивать для них небольшие приемы с учетом местного колорита.

Дмитрий быстро собрал компоновку из нескольких приборов, подключил к ней кабель и опустил в скважину. Юрий скорее наблюдал за всем происходящим и лишь изредка присоединялся к работе, в основном когда Дмитрию нужна была физическая помощь. Многолетний опыт полевика и желание поскорее сделать работу существенно ускорили процесс – Дмитрий хотел все закончить, пока не стемнело, и уехать на базу до конца дня, хотя по плану они должны были отстоять на скважине не меньше суток. Однако все складывалось гладко, и торчать на скважине сутки не имело большого смысла.

- Юра, сейчас привяжемся тут, отпишем интервал и на подъем уже.
- А почему так торопимся?
- Да вроде бы успеваем все сегодня сделать. Не хочу тут на ночь оставаться.
- Понятно. Но вы говорите, если что надо. Я, как смогу, буду помогать.
- Ты пока начинай все складывать, что на поверхности осталось. Потом достанем приборы, закинем их в машину и поедem на базу.
- Не страшно вечером-то ехать?
- Тут светло все равно, да и маячки вечером лучше светятся. Так что с точки зрения вождения – даже лучше.

...Через пару часов они подняли оборудование из скважины, закинули его в машину и тронулись в путь. Хотя Юрий толком и не работал, но где-то внутри чувствовал какую-то гордость, что он все-таки был участником процесса. И что теперь он – настоящий полевик, прошедший тест пусть и в немного мягких условиях, но все же прошедший. Он сидел и думал о том, как будет рассказывать Наташке о тундре, о юрте-скважине, об огромном джипе, который их вез, о матером полевику Дмитрие. Юрий понимал, что впереди еще много таких скважин и это лишь начало длинного пути его карьеры, но, как и любой первый опыт, – этот не будет исключением и запомнится ему на всю жизнь. На горизонте уже заходило солнце, и Юрий стал засыпать. Редкие маячки, попадавшиеся вдоль дороги, мелькали перед его глазами, словно гирлянды на елке, погружая его во все более глубокую дрему. Внезапно внутренняя гармония Юрия была нарушена:

- Юра, проснись! Я, по ходу, дорогу потерял, уже пять минут как ни одного маяка нет. Метель, б***ь, еще эта... мать ее! Короче, просыпайся и смотри в оба, я поеду медленно.
- Ага, понял, извините.

Через несколько минут они наткнулись на первый маяк и выехали на дорогу. Напряжение спало, но снегопад не отступал, и на улице уже всю хозяйствовала вьюга, которая со временем усилилась настолько, что стала забивать дворники машины. Дмитрий вынужден был остановиться.

- Юра, так дальше не поедem – дворники забивает. Надо, чтобы ты сел на капот и показывал мне, куда ехать, мы все равно из салона не видим маяков больше.
- Как это сел на капот? – испугавшись, ответил Юрий.
- Жопой, – озлобленно отрезал Дмитрий, – я поеду тихо. Ты не упадешь, не бойся. Будешь мне руками направление показывать.
- Я попробую.

Юрий забрался на капот, натянул очки и шапку и стал вглядываться в контуры дороги. Дмитрий завел мотор. Первые полчаса Юрию удавалось цепляться взглядом за маячки, но потом начался участок дороги, где их просто не было – местные чукчи сломали все, какие были в окрестности нескольких километров. В какой-то момент Юрий повернулся к Дмитрию и развел руками, показывая, что больше ничего не видит. Так они проехали еще минут пятнадцать, пока окончательно не остановились.

- Все, пиз***ец, приехали! Слезай с капота, – озлобленным голосом сказал Дмитрий.
- В каком смысле приехали? – не понял его Юрий.
- Не видишь, что ли? Потерялись мы!

– И что же теперь? Что с нами будет? – испуганным голосом спросил Юрий.

– Да сдохнем тут, если метель не уймется! Дальше смысла ехать нет, мы от дороги окончательно уедем, и тогда и тел наших не найдут. А так хоть есть шанс продержаться, – выпалил Дмитрий. В багажнике его машины был спутниковый телефон и запас еды на пару дней, но Юрий об этом не знал. Дмитрию хотелось немного встряхнуть Юрия, поставить его в нестандартную ситуацию и посмотреть, как он себя поведет, сможет ли преодолеть страх или нет, сможет ли проявить свои лучшие человеческие качества или сломается при первой же опасности. Теперь Юрию предстояло пройти настоящий тест и вовсе не в классе и не на скважине-юрте, а находясь в нескольких километрах от трассы, которая еще оставляла шансы вернуться домой.

– Я... я не хочу! Я сдохнуть не хочу. Понимаешь? Мне еще много... нам с Наташкой... у меня родители, – вдруг заревел Юрий.

– Да не паникуй ты, может, пересидим метель, а там и фуру заметим какую-нибудь. Не нагоняй раньше времени!

– А сколько ждать надо?

– Ну, может, сутки, а может, и несколько, бензина хватит – не замерзнуть. Жратвы вот только нет, но ничего – человек без жратвы может долго.

Так прошло еще пару часов. Метель не унималась, и лобовое стекло уже покрылось плотной коркой спрессованного снега. Дмитрий докуривал сигареты, а Юра тихонько плакал:

– Дима, а может, тут животные есть? Ну, лисы там или волки хоть? Может, приманим их и убьем – будет еда!

– Есть, но только это скорее они нас сожрут. Ты думаешь, они такие тупые? Они дождутся, пока мы сдохнем тут, а после уже придут и сожрут нас!

– Ну, неужели мы тут сдохнем из-за какой-то поганой жратвы? Ведь должен быть выход?

– Не мы первые, не мы последние. Так многие померли.

– Ах... б***ь, что же делать? – прокричал Юрий и резким движением схватил с заднего сиденья тяжелый ключ для сборки приборов. – А ну, выходи из машины!

– Ты чего дуришь? А ну, брось ключ! Ты спятил вообще?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.